

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

Н. ПИГУЛЕВСКАЯ

МАР АБА I

(К истории культуры VI в. н. э.)

Политические и культурные связи не могут не привлекать исследователя, но редко случается говорить о живых связях в плане биографии исторического лица.

В этом аспекте большой интерес приобретает жизнь и деятельность мар Абы, одного из выдающихся сиро-персидских деятелей первой половины VI в., сочетавшего византийскую образованность с культурным достоянием Сирии и Ирана. Перс по происхождению, сириец по литературному языку, изучивший греческий язык, он не только привез из Византии „учености плоды“, но и сам играл значительную роль в культурной жизни Византии.

На сирийском языке сохранились сочинения самого Мар Абы,¹ а также жизнеописание, написанное непосредственно после его смерти,² известное в кратком арабском переводе.³ Биография Абы дает яркую картину жизни общества того времени; живые люди, о которых в ней упоминается — персы, греки, сирийцы — находятся в тесном общении. Глубокая диффузия культуры западной и восточной в умах и обычаях сасанидского Ирана становится очевидной. Можно установить, на основании жизнеописания Абы, новые, до настоящего времени не известные факты, имеющие большое значение для истории и истории культуры этого времени.

По своему происхождению мар Аба был персом и зороастрийцем. Он был образованным человеком и был настолько „сведущ в писаниях персов“, что его знания обратили на себя внимание „знатных, которые были в его области“. Так как он был „знающ и сообразителен, они убедили его приблизиться к ним с тем, чтобы они сделали его сведущим в государственных делах и в светских порядках“. Аба стал своим у представителей высших кругов области, „входил и выходил“, т. е. часто бывал у них „и стал известен многим“. Он получил звание арзбеда — должностного лица, представляющего просьбы.⁴ В этот период жизни ему приписывается особенно враждебное отношение к христианству, — „он был горек и жесток в своем язычестве“.

¹ Synodicon orientale, ed. Chabot, Paris, 1902, стр. 80—95, 332—351.

² Histoire de mar Jabalaha, de trois autres patriarches, textes syriaques ed. Bedjan, Paris, 1905. Цитируется дальше, как Vita mar Abae.

³ Maris Amri et Slibae. De patriarchis nestorianorum commentaria, ed. Guismond, Pars prior, Maris textus arabicus, versio latina, лл. 167b — 170a.

⁴ Vita mar Abae, стр. 210.

⁵ J. P. Margouliouth. Supplement to the Thesaurus syriacus of Payne Smith. Oxford, 1927, стр. 35.

Обращение его совершилось случайно. Имея намерение вернуться из селения Хале на родину, Аба должен был переехать в лодке на другую сторону Тигра. Один из его спутников оказался в одежде монаха, он вызвал неудовольствие Абы, который ударил его, выбросил на сушу его суму и вынудил выйти из лодки. Ветер препятствовал движению лодки, она возвратилась, и Аба решил вступить в беседу с человеком, так спокойно перенесшим его оскорбления, и узнать к какой религии он принадлежит.

„Он спросил его, сказав ему: «Ты иудей?» Он ответил ему: «Так». Сказал он ему вновь: «Ты христианин?» Ответил ему: «Так». Он сказал ему вновь: «Ты веры мессии?» Ответил ему: «Так». Аба удивился, что на все три вопроса он получил утвердительный ответ. На его недоумение Иосиф объяснил ему, что он называет себя иудеем, как монотеист, христианином, так как маркиониты неправильно присваивают себе это имя и что это греческое название, соответствующее значению сирийского мешихайа (последователя Мешахи — Христа). Аба признал превосходство смирения Иосифа, а тем самым и его веры. Приведенный диалог говорит о широком распространении различных верований и религий.

Между тем, общественное положение, занимаемое Абой, было значительным. „Он находился при одном большом муже, который был писцом хамаргерда той области Бет Арамае, имя которого было Хвадайбуд и он находился в это время в Радане“.¹ Звание хамаргерда — казначея — давалось чиновникам фиска. Замечательно, что имя собственное этого хамаргерда, на что я впервые указываю, может быть удостоверено другим памятником и притом пехлевийским. Имя это в сирийском тексте имеет палеографически вполне понятную описку — обмен иоты и нуна и должно читаться Хвадайбуд (а не Хваданбуд, как напечатано у Bedjan). Это имя известного юриста VI в., упоминаемого в сасанидском законнике *Madhighan i hazar dadhastan*, где оно пишется, как *Mart-Bud*,² откуда оно известно и Христенсену, как имя одно из „*juris-consultes de l'époque sassanides*“.³

Сделанное мною сопоставление подтверждает историческую справедливость сообщений жизнеописания.

Мар Аба являлся, следовательно, помощником писца или секретаря знаменитого персидского юриста, положение, которое мог занимать только способный, хорошо образованный и знающий человек, как об этом и говорит жизнеописание.

Между тем, выполнение Абой правил и обычаев его новой религии, не могло остаться тайной для лица, с которым он все время находился в общении, т. е. для писца хамаргерда. Этот последний, заметив, что он „обучается христианству“, сказал ему: „Аба, ты стал мешихайа?“ Он ответил ему: „Так, я стал мешихайа“. „Сказал ему тот писец: «Я скажу и обвиню тебя перед хамаргердом и на тебя наденут узы»“. Аба ответил, что он к этому готов, но, пробыв некоторое время в столице, в Ктесифоне, он вернулся обратно „в свою область“ и в селении Акед принял крещение. После этого он покидает свой официальный пост, „оставляет писание и свою работу“, намереваясь удалиться „в пустыню“ или „на гору“.⁴

¹ Vita mar Abae, стр. 215. Тексты привожу в русском переводе с сирейского, сделанного мной. Радан расположен несколько севернее Багдада и неоднократно упоминается в сирийской литературе. Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer Leipzig, 1880, стр. 71.

² Matikan e hazar Datastan, ed. Bulsara. Bombay, 1937, стр. 550, 551.

³ Christensen. L'Iran sous les sassanides. Kopenhagen, 1934, стр. 51.

⁴ Vita mar Abae, стр. 216.

Однако процветавшая в VI в. высшая сирийская школа в Нисибии, не могла не привлечь его. Он поступил в Нисибийскую академию и на ряд лет углубился в науку. Далее, он побывал в Арзуне, вернулся в Нисибию, откуда решил направиться в „ромейские земли“. Тяга на запад сирийского ученого, воспитанника „школы персов“, отвечала общей тенденции заканчивать образование, приобщаясь греческой образованности в эллинистических центрах приморской Сирии и Египта. В Эдессе, принадлежавшей тогда Византии, к Абе присоединился „обученный с детства“ греческому языку некий Фома, которому предстояло на много лет стать спутником Абы, так что Аба сам усовершенствовался в греческом. Затем потянулись годы странствований Абы, которые он провел в различных городах и селениях Византийской империи. Мар Аба посетил ряд областей и городов Азии, Африки и Европы. Кроме Александрии, Константинополя, Афин, Коринфа, Антиохии, жизнеописание упоминает области Ахайи, Киликии и Фиваиду. Он хотел поспорить, словесно сразиться с Сергием, которому ставили в вину „языческие обычаи“ и арианство. Речь идет о выдающемся сирийском враче, Сергии Решайнском, который перевел с греческого на сирийский язык труды Галена и Аристотеля.¹ В Александрии, в знаменитой школе, Аба „толковал писание“ и проповедывал свою доктрину в соответствии с традициями, усвоенными им в Нисибийской академии. Его деятельность, по словам биографа, была успешной, он „обратил многих“ и „заставил замолчать“ других.²

Следующим этапом деятельности Абы были Афины. Здесь он „побил афинян, которые полагали о себе самих что-то великое, потому что перед тем они занимались наукой светской“.³ Последние языческие философы еще продолжали свои лекции в Афинах, когда там был мар Аба; только в 529 г. Юстиниан закрыл эту философскую школу; часть ее профессоров нашла себе убежище в Иране у шаханшаха. Ученый перс мог еще в одном городе блеснуть своими знаниями, и он посетил вслед за Афинами Коринф. По словам биографа, его поучения привели к тому, что „люди — софисты, которые придерживались светских взглядов“, склонились к его образу мысли и „сожгли книги светские, которые были у них. Слух об этом прошел по всей области Ахайи...“⁴ Но результаты кипучей деятельности Абы были для него тяжелыми. „За то, что он так ловко устроил их обращение и прекратил их хитрости, они искали его убить“.

Чтобы спастись, мар Аба „сел на корабль и отправился в столичный город Константинополь“,⁵ где он оставался около года. Не впервые сириец стал занимать выдающееся положение в культурной среде византийской столицы.

Еще Лабуром было высказано предположение, что *ὁ θεϊκὸς ἀνδρὶς καὶ μεγάλος διδάσκαλος Πατρίκιος*, о котором сообщает Козьма Индикоплов, был мар Аба.⁶ Полная убедительность в этом отсутствовала, потому что Лабур считал, что его имя — Мараба. Между тем, его сирийское имя было Аба, так как мар — господин — является лишь обычной приставкой к имени, и в предисловии к жизнеописанию подробно говорится о его имени, как означающем „отец“. Имя Патрикий воспроизводится от сирий-

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийский врач Сергей Решайнский. Научн. бюлл. Лен. Гос. ун-в., Л., 1946, стр. 36.

² Vita mar Abae, стр. 218—219.

³ Ibid., стр. 219.

⁴ Ibid., стр. 221.

⁵ Ibid., стр. 221.

⁶ Labourt. Le christianisme dans l'empire Perse. Paris, 1904, стр. 165—166.

ского имени Абы, в переводе на греческий Πατρις, — откуда и имя Патрикий. Сообщения Козьмы, который встречался с Абой между 525—530 гг.,¹ заслуживают более углубленного анализа. Козьма говорит, что Патрикия всюду сопровождал его ученик Фома, из Эдессы; о том, что Фома хорошо знал греческий язык, известно и из сирийского источника. Византийскую столицу Абе пришлось, однако, покинуть одному, так как Фома умер — *νυνὶ δὲ ἐν τῷ Βυζαντίῳ βουλήσῃ Θεοῦ τὸν βίον μεταλλάξαντι* — „ныне же волей Божией покинувший жизнь в Византии“.² Козьма длительно общался с Патрикием — из бесед с ним он „перенял с живого голоса“ (*διὰ ζώσης δὲ φωνῆς παραλαβὼν*) толкование Писаний. Традиции Патрикия — Абы и его учение „истинного знания“ *γνώσεως ἀληθεστάτης* Козьма связывает с именем Авраама. Это имя знаменитого сирийского учителя первой половины VI в. и деятеля Нисибийской академии Авраама де Бет Раббан.³

Знаменитое географическое сочинение Козьмы „Христианская топография“ сыграло исключительно большую роль в представлении о земле и мироздании во всем средневековом мире — на Ближнем Востоке, на латинском Западе, в славянских странах. В топографии он указывает на поучения Абы и восточные традиции, связанные с ним. В годы, когда писал Козьма, Аба был уже „возведен на высокий архиепископский престол всей Персиды“.⁴ Таким образом мар Аба был авторитетом, на который ссылается один из самых популярных писателей Византии, географические представления которого надолго определили направление средневековой мысли. Зависимость взглядов Козьмы Индоколова от традиций и доктрин, развивавшихся в восточных центрах образованности, Нисибии и Эдессе, представителем которых был Аба, заслуживают специального углубленного исследования. Несомненно, что и часть сведений Козьмы о Востоке, как, например, о распространении несторианства на о. Цейлоне и на западном побережье Индии, он, конечно, получил непосредственно от Патрикия — Абы.⁵

Принимая во внимание международные отношения Византии, восточную политику как Юстина I, так и его преемника Юстиниана I, можно не сомневаться в правильности сообщения, что „возгорелся и царь западный повидать“ Абу. Но последний не счел возможным согласиться на это свидание и, узнав о таком пожелании „удалился и пошел в Антиохию“.⁶ Повидимому, Патрикий — Аба стремился избежать более близких отношений с официальными византийскими кругами и императором, которые могли вызвать неудовольствие шаханшаха и его двора, где христианским кругам ставили особенно в вину „дружбу с царем ромеев, нашим врагом“. Из Антиохии Аба направился на родину, в Персию и возвратился в Нисибию. Таким образом, мар Аба объездил все важнейшие центры греческой образованности; он в совершенстве владел

¹ Baumstarck. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, стр. 119.

² Cosmas Indicopleustes. The christian Topography. Greec text, ed. by E. O. Winsted. Cambridge, 1909, стр. 52.

³ McCrindle. The christian topography of Cosmas, an egyptian monk, transl. from the greec. London, 1897, стр. 24, прим. 2. McCrindle ошибочно относит это имя к Аврааму Кашкарскому. Авраам де Бет Раббан был учителем Нисибийской академии после Нарсаи, имел более тысячи учеников за 60 лет своей педагогической деятельности, относящейся к первой половине VI в. (Baumstarck. Geschichte, стр. 115). Авраам Кашкарский умер в 588 г. в возрасте 85 лет (там же, стр. 136) и в период между 525—530 гг. был еще молодым, ничем не замечательным человеком. Поэтому McCrindle ошибочно считает традиции мар Абы продолжающими традиции Авраама Кашкарского, его младшего современника.

⁴ Cosmas Indicopleustes, ed. Winsted, стр. 119.

⁵ Ibid., стр. 119.

⁶ Vita mar Abae, стр. 223.

тремя языками — персидским, сирийским и греческим, был красноречив в устной и письменной речи. Нисибийская академия избрала его учителем, и он в течение ряда лет читал лекции и „был погружен в духовное изучение больше, чем во все дела этого мира“.¹ В феврале 540 г. состоялось его избрание каталикосом „всей Персиды“, состоялось вопреки его желанию, не только с разрешения, но и по настоянию „царя царей“.

Новая деятельность Патрикия — Абы носила широкий характер; он пересмотрел церковные каноны, разослал множество инструктивных писем и посланий, часть которых сохранилась.² Он сам посетил „области Бет Хузайе, Фарсайе и Майшанайе (область Майшан)“, т. е. южные и восточные провинции Ирана. По возвращении он был на приеме у шаханшаха „и вошел к нему и был им принят“.³ Так состоялась личная встреча и знакомство выдающегося государственного деятеля средневекового Ирана, Хосрова I Ануширвана с представителем ремесленного и торгового населения городов его царства, не исповедовавшего зороастризм.

Именно в сасанидский период сложилась традиция, которая получила свое развитие в эпоху халифата и при монгольских владыках. Несториане и монофизиты, составлявшие преимущественно городское население, имели своим представителем иерарха, который вел переговоры с халифом или хаканом, защищая интересы верхов своей паствы, как это приходилось делать и русским митрополитам с золотоордынскими ханами.

Политические и дипломатические способности, энергия и размах деятельности Абы не могли не возбудить неудовольствия зороастрийского жречества. „Главный из магов“, мобедан мобед того времени, „имя которого было Дадхормизд, и его товарищи знатные маги“ начали действовать. Они „вошли и возбудили клевету перед царем царей, говоря: — «Итак, католикос Аба, глава христиан, вас, царей, и господ не признает, царство это великое и славное не почитает, а когда он отправился в Фарс и в области восточные вашего государства, его принимали со многими почестями. Веру магизма, которая была дана богом Хормиздом, которой управляется ваше государство, он осуждает, как презренную, разрушает и устраняет ее. Многих магов он обратил к христианству, наша религия умалилась, а его умножилась, а у нас, знатных магов, как не бывало у нас ничего. Короче говоря, он друг кесаря и враг твоего государства». — Но царь царей миролюбивый и мягкий не принял клеветы на него [на Абу]. Но так как они долгое время говорили и приставали к нему, он оставил это дело в их руках...“⁴

В 10-м году царствования Хосрова I в северных областях Ирана, на границах Армении и Грузии, персидские войска вели войну с кангарами (Kangaraye), одним из гуннских племен. Только что вернувшись из Авестаны, Хосров двинулся с войсками на север. Отсутствие царя и использовали зороастрийские жрецы. Призвав Абу в свое собрание, они его обвиняли в том, что он противник зороастризма, и требовали, чтобы он был „сметен с земли“. Главным пунктом обвинений было то, что Аба „отвратил магов от веры Хормизда“, что он пропагандировал христианство „в областях Фарса“, — обвинение, которое поддержали два знатных мага. Один из них, Адорфарех, носил высшее звание шахрдара, другой был судьей (рад) Фарса. В основе борьбы за сторонников и последователей религии лежала борьба за материальную базу

¹ Ibid., стр. 223.

² Synodicon Orientale, стр. 68, 80, 85, 90; trad., стр. 318, 332, 339, 346.

³ Vita mar Abae, стр. 225.

⁴ Ibid., стр. 226—227.

жречества, которой пропаганда мар Абы наносила урон. Возмутил магов и запрет, наложенный им на „многих из христиан Персии, которые ели мясо нашептанное“, т. е. мясо жертвенное, освященное магами, и им запрещенное к приобретению и употреблению в пищу. Кроме этого прямого ущерба благосостоянию зороастрийского жречества, против Абы было выдвинуто и другое обвинение — в том, что им были изъяты судебные дела христиан, которые имели уже записи, называемые *bukt* *patag*. Эти книги записей, *dossiers*, имели уже печать мобеда, но несмотря на это были уничтожены Абой. Таким образом, судебные дела (كتاب), которые следовало решать магам, были решены епископальным судом и тем самым им был нанесен ущерб.¹ Споры о светском и епископальном суде тянулись на протяжении всего средневековья на латинском Западе, на славянском и греческом Востоке. Значительно острее они протекали в языческой среде. Изъятие части судебных дел из юрисдикции иранского жречества не могло не вызвать их неудовольствия, а при первой возможности и ответных действий.

Очевидна также и большая активность Абы, и его влияние, которые вызвали неудовольствие и гнев зороастрийского жречества. Не лишен колорита инцидент с Абродак — „известным человеком“, „весьма почитаемым царем царей и его знатыми“, выступившим в защиту Абы. Возмущенные маги и мобеда мобед „в великом гневе“ ворвались к царю и громко „кричали“. „Когда остыл их гнев, царь царей сказал: „Почему вы в то же время не творите суда и над ним?“ Но вопрос этот был лукавым и звучал насмешкой, так как маги не смогли сами ничего предпринять и не только потому, что Абродак „был человек большой“, но и потому, что он оказался недостижимым — по приказу царя он был удален из столицы. Шах дорожил Абродак, как лицом, „державшим царское дело“,² следовательно полезным и нужным в государственном управлении.

Характерно, что и Аба, соглашаясь на любое наказание, требует, чтобы оно исходило от царя царей,³ видимо рассчитывая на безусловно более мягкое отношение со стороны светской власти, чем со стороны магов.

Стремления мобеда найти поводы и факты для дальнейшего обвинения Абы говорят о том, что и для такого случая требовались формальные основания и поводы, чтобы вести судопроизводство. Так возникли ожесточенные дебаты по поводу запрещения брака между близкими родственниками и свойственниками, по поводу женитьбы на вдове отца, на сестре, которые были обычным явлением у персов. Абе даже задали казуистический вопрос, всякий ли приказ шаханшаха будет им выполнен, т. е. такой приказ, который находится в противоречии с его принципами.

Наиболее действенным оказалось обвинение в том, что, будучи язычником и происходя из языческой семьи, он единственный изменил этой вере. Присутствующие закричали, что он достоин смерти. После этого была составлена „книга допроса“, *puršāz patag*, которую показали Абе, обещая в настоящее время его отпустить, чтобы он продолжал „свое дело католикоса“, но ему строго запрещалось обращать кого бы то ни было в свою веру. В случае если он нарушит это обещание, то тотчас „мы запечатали против тебя книгу допроса и мы наложим на тебя узы“.⁴ Мар Аба отказался дать такое обещание; тогда маги

¹ Ibid., стр. 234.

² Ibid., стр. 233.

³ Ibid., стр. 230.

⁴ Ibid., стр. 238.

В общем, отношение сасанидского правительства к главе персидских христиан должно быть квалифицировано, как терпимое и либеральное. Его посещали на месте ссылки, и он имел возможность распоряжаться и руководить делами паствы. Хосров I не мог совершенно пренебречь несторианским населением своего государства, державшим в руках ремесло и торговлю Ирана. И, конечно, не случайно, деяния собора мар Абы поддержаны и подписаны главами ремесленных цехов и ста-

⁷ Synodicon Orientale, стр. 68—95; 318—351; Vita mar Abae, стр. 247.

рейшинами торговцев.¹ Их подписи гарантировали поддержку католикосу лично и придавали вес постановлениям, выработанным им в ссылке. Эти данные прекрасно объясняют необходимость для шаханшаха оказывать поддержку Абе, вопреки зороастрийскому жречеству. Хосров I был слишком хорошим политиком, чтобы не учитывать экономическую опору своего государства, и это вынуждало его к толерантности. Значение имели и лица, занимавшие видное положение, как упомянутый выше Абродак, как присутствовавший на сборе надсмотрщик над всеми верблюдами царицы Сурен Гармекаиа.

Деяния собора Абы подписаны и некоторыми должностными лицами, арестарансаларом, военачальником и куругбедом, начальником царских работников, которые, занимая высокое положение в государстве,² являлись покровителями мар Абы и гарантировали ему относительное спокойствие.

Около семи лет провел Аба в ссылке, когда появился некий Петр Гурганара, бывший клирик, вновь принявший зороастризм. Выполняя затаенное желание иранского жречества, он сделал несколько попыток тайно убить Абу.³ Последний, превосходно учитывая собственное значение в государстве сасанидов, решил апеллировать к общественному мнению; он желал „открыто отдать душу свою смерти“, не сомневаясь, что в таком случае он ее избежит. Поэтому „он встал ночью той, с одним из своих учеников по имени Иаковом, и ушел из этого селения“.⁴ Шел он в очень тяжелых условиях через горы, зимой 548—549 г., в снегу и в холоде, но достиг столицы. Здесь он поторопился скрыться в место, которое пользовалось правом убежища (کدایم или کدای دیم).

Когда об этом узнал Хосров, он был очень удивлен его решительностью и послал к нему лицо из своей личной охраны спросить, как он посмел нарушать приказ своего господина и прибыть сюда. На это мар Аба ответил, что так как его желали убить тайно, он предпочитает умереть открыто, по приказу самого шаха.⁵ Не только смелость этого шага, импонировавшая шаху, но вся политическая обстановка вынудили его оставить Абу в столице. Хосров простил ему не только возвращение в столицу без разрешения, но и то, что особенно ставилось ему в укор, — обращение четырех магов, занимавших видное положение, и позволил ему вернуться в свой дом. Мар Аба вышел из убежища, но так как народ, приветствуя его, толпился на улице, он решил не входить в город, „но вышел ко рву, окружавшему город“, и остался ночевать за городом. То, что он был возвращен, вызвало неудовольствие „знатных магов“.⁶

Когда на следующее утро мар Аба направлялся в столицу, окруженный преданной ему толпой, шел сильный дождь. Судья и полицейский (рад и айнабед), посланные его схватить, зашли в находившееся недалеко от царского двора „место охоты“, کدای دیم, которое помещалось в саду или в парке, носившем название „место утра“ کدای سحر. Они позвали его, под предлогом переговоров с ним, а потом закрыли двери и не стали никого пускать.⁷ Его хотели бросить диким зве-

¹ Synodicon Orientale, стр. 79—80; 331—332. — Н. Пигулевская. Византия и Иран, стр. 228—229.

² Christensen. L'Iran, стр. 126, 485.

³ Vita mar Abae, стр. 251.

⁴ Ibid., стр. 252.

⁵ Ibid., стр. 253.

⁶ Ibid., стр. 255.

⁷ Ibid., стр. 255.

рям и „место охоты“, — зверинец, — было для этого подходящим местом.

Сторонники Абы были встревожены. „Один из знатных государства предстал перед царем и сказал ему: «Царь царей, слава людей, будь жив во веки и держи твое царство вечно. Народ христианский в твоём царстве, народ мощный и великий, неисчислимый по своему множеству, и на государственной работе они (христиане) находятся в избытке. Если этот муж, который является их главой, будет убит, это будет для них очень болезненно, и не малый ущерб будет твоему государству»».¹

Аргументы защитника мар Абы, если их лишить преувеличений и цветистости, те же, что и образно выраженные сыном Хосрова I. Хормизд считал христиан задними ножками своего трона, без которого он не мог удержаться. Известно, что финансы, торговля и ремесла Ирана находились преимущественно в руках сирийцев и персов — христиан. Это был полезный, деятельный элемент персидской державы, и их недовольство могло принести ущерб государству.

Хотя Хосров и „приказал не убивать“ Абу, его все же заковали в тяжелые железные оковы и, закрыв лицо, чтобы он не был узнан, перевезли в тюрьму, где он был поручен надзору мальбеда — „господина мучений“, палача.

Когда шаханшах направился в Азербайджан, вероятно во время кампании против Лазики в 549 г., в следовавшем за ним обозе везли в оковах и мар Абу.²

Такое положение продолжалось в течение многих месяцев, и Аба следовал в кортеже Хосрова то в цепях, то с некоторыми облегчениями сурового режима, которое всегда относится сирийскими источниками за счет „доброты“ шаханшаха, порицаемой магами. Наконец, мар Аба дали было разрешение вернуться в столицу, но разыгравшиеся политические события сделали это невозможным.

В провинции Бет Хузайе — Хузистане³ началось восстание, связанное с именем сына Хосрова Аношазада (Нашзада), мать которого была христианкой. Аношазад принял религию матери, и, несмотря на все уговоры, не обратился к магизму. Разгневанный Хосров приказал держать его в Гундэ-Шаборе.⁴ Возвращаясь из похода в Сирию, Хосров заболел. Когда слух об этом достиг Аношазада, он послал к христианам Гундэ Шабора, Ахваза и вырвался из тюрьмы. С помощью собравшегося к нему народа он прогнал правителя Ахваза и овладел казной провинции. Распространяя слух о смерти своего отца Хосрова, он намеревался двинуться в Ирак, к столице, чтобы овладеть престолом.⁵ В основе арабского источника лежит старая пехлевийская версия истории сасанидов, использованная и Фирдоуси.⁶ Шах-намэ повторяет те же данные, что и Динавери, но с добавлением некоторых красочных, чисто литературных мотивов.

В центре восстания находились Ахваз и Шуштер, податями которых воспользовался Аношазад (Нушзад в Шах-намэ). Как родственник византийского императора, он написал „кесарю“, что считает его „господином Гундэ-Шабора“.⁷ Письмо это Хосров ставил ему особенно в вину.

¹ Ibid., стр. 256—257.

² Ibid., стр. 258.

³ Marquart. *Messina, Catalogue*, стр. 95—96.

⁴ Ad-Dinaweri. *Kitab al-ahbar at-tiwal*, publ. par Guirgas. Leide, 1888, стр. 71.

⁵ Ibid., стр. 71.

⁶ Tabari. *Geschichte der Perser und Araber*. Uebers. v. Th. Nöldeke. Leiden, 1879, стр. 469.

⁷ Firdousi. *Le livre des rois*. Ed. Mohl, Paris, 1868, v. VI, стр. 226—227.

Относительно того, что имя военачальника восставших следует понимать как *شامسا*, *šamša*, *diaconos*, высказывал предположение еще Нельдеке.¹

Зороастрийское жречество и Хосров считали, что во власти Абы отторгнуть христианские круги от Аношазада. Поэтому доверенный шаха, *šarira*, *ܫܪܝܪܐ*, имевший звание конюшего *dzidgu*, *ܕܙܝܕܓܘ*² передал Абе угрозы шаха выколоть ему глаза и бросить в ров, „чтобы он там умер“. Пасаника, тюремный страж, передал ответ Абы, который жаловался на тяжкие оковы и тайные попытки магов его убить. Но едва ли только это велел передать Аба, так как неожиданно Хосров изменил свое решение и возложил на Абу политическую задачу — успокоить волнения среди христианского населения провинции Бет Хузайе. Он „спокойно и ласково“ приказал Абе составить „писания к христианам этой области“, т. е. Бет Хузайе и заставить их подчиниться. Далее следовала угроза: „а если не успокоятся по своей доброй воле те, что восстали, то придут на них с мечами, стрелами, луками и будут с ними сражаться...“ и уничтожат всех участников восстания.³ Мар Аба выполнил, повидимому, распоряжение шаха, и волнение замерло. Динавери и Фирдоуси считают, что оно было подавлено быстро и без особых жертв. Войска Аношазада были рассеяны, а сам он взят в плен. „Книга царей“ сообщает о его смертельной ране, гибели и христианском погребении. Другие источники говорят о том, как он был наказан отцом. Жизнеописание мар Абы опускает имя сына Хосрова, надо полагать, сознательно, так как оно компрометировало деятельность мар Абы.

Но католикос не был отпущен. Когда Хосров направился в города Авестаны, он должен был следовать за ним. Между тем, и другое событие показало все его значение не только во внутренних государственных делах Ирана, но и в международных отношениях. От правителя эфталитов в сасанидскую столицу был прислан клирик (*ܟܠܝܪܐ*, *kašīša*), которого он просил поставить главой для христиан-эфталитов. Имя правителя не сохранилось, а *heftaran khodai* есть сирийская транскрипция пехлевийского „эфталитов правитель“. „Христиане-эфталиты составили писание“ к мар Абе, прося сделать этого клирика „епископом для всего государства эфталитов“.⁴ Шаханшах оказался в большом затруднении. Он не мог не дорожить влиянием Ирана в государстве эфталитов, как не мог не учитывать в международных отношениях значения главы персидских христиан. Его чрезвычайно „изумило“, что эфталиты-несториане „считали главой и руководителем“ мар Абу. Желание сохранить престиж заставило Хосрова приказать освободить католикоса. На следующее утро им был поставлен епископ „в область эфталитов“ *ܠܥܠܡܐ*.⁵

Теперь было желательно использовать Абу и в других случаях: ему было дано новое государственное поручение. По распоряжению Хосрова он был направлен в Хузистан, где волнения все еще окончательно не улеглись. Он лично успокоил восставших, и „не была пролита кровь“.

¹ Tabari. Geschichte, ed. Nöldeke, стр. 470.

² Звание доверенного *šarira* известно и по другим сирийским источникам (Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer, стр. 10, № 39). Термин *dzidgu* следует производить от армянского слова конь, отсюда конюший. Знаменитая армянская конница постоянно упоминается как византийскими, так и арабскими источниками.

³ Vita mar Abae, стр. 226.

⁴ Ibid., стр. 267.

⁵ Ibid., стр. 268—269

но было достигнуто общее примирение. Дипломатические дарования Абы сказались и в этом случае.

Господствующим направлением у арабов Лахмидского княжества Хирты было в то время монофизитство, но Аба попытался подчинить их влиянию несторианства. Когда группа арабов-лахмидов прибыла со своим царем ко двору шаханшаха, „чтобы почтить его“, благодаря влиянию Абы они примкнули к несторианству.¹

Это были последние месяцы жизни Абы. Он вскоре заболел. Посланные Хосроем врачи не могли его вылечить и 29 февраля 552 г. он скончался.

Так кончилась жизнь выдающегося перса, представителя греко-сирийской образованности на Востоке. Его жизнь и деятельность связали воедино плоды двух высоких культур — Византии и Ирана. В зороастрийском государстве его деятельность неизбежно поставила во всем восточном своеобразии проблему отношения государства к чуждой, не государственной религии. Проблема эта всесторонне изучена на материале западном — истории Римской империи; на Востоке она имеет свои особенности. Наконец, жизнь Абы дает много новых данных, неизвестных сведений и свидетельств о внутренней истории государства сасанидов, разъясняет, благодаря сирийским источникам, сообщения пехлевийских традиций, дошедших лишь в арабских и персидских версиях.

¹ Ibid., стр. 270.